

Добрынюшка-тот матушке говаривал,
Да Никитинич-от матушке наказывал:
«Ты, свет, государыня да родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Ты зачем меня, Добрынюшку, несчастного породила?
Породила, государыня бы родна матушка,
Ты бы беленьким горячим меня камешком,
Завернула, государыня да родна матушка,
В тонкольяный было белый во рукавичек,
Да вздынула, государыня да родна матушка,
Ты на высокоу на гору сорочинскую
И спустила, государыня да родна матушка,
Меня в Черное бы море, во турецкое, -
Я бы век бы там, Добрыня, во мори лежал,
Я отныне бы лежал да я бы до веку,
Я не ездил бы, Добрыня, по чисту полю.
Я не убивал, Добрыня, неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасная,
Не слезил, Добрыня, отцов, матерей,
Не вдовил бы я, Добрынюшка, молодых жен,
Не спущал бы сиротать да малых детушек».
Ответ держит государыня да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Александровна:
«Я бы рада бы тя, дитятко, породити:
Я талантом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора да Богатыря,
Я бы смелостью во смелого Алешу во Поповича,
Я походкою тебя щাপливою
Во того Чурилу во Пленковича,
Я бы вежеством в Добрыню во Никитича,
Только тьи статьи есть, а других Бог не дал,
Других Бог статьей не дал да не пожаловал».

Скоро-наскоро, Добрыня, он коня седлал,
Садился он скоро на добра коня,
Как он потнички да клал да на потнички,
А на потнички клал войлочки,
Клал на войлочки черкаское седельшко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый-от клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вырушил.

Подпруги были шелковые,
А спеньки у подпруг все булатные,
Пряжи у седла да красна золота.
Тот да шелк не рвется, да булат не трется,
Красно золото не ржавеет.
Молодец-то на кони сидит, да сам не стареет.
Провожала-то Добрыню родна матушка.

Простилася и воротилася,
Домой пошла, сама заплакала.
А у тыя было у стремины у правыя,
Провожала-то Добрыню любима семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
Она была взята из земли Политовския,
Сама говорит да таково слово:
«Ты, душка, Добрынюшка Никитинич!
Ты когда, Добрынюшка, домой будешь?
Когда ожидать Добрыню из чиста поля?»
Ответ держит Добрынюшка Никитинич:
«Когда меня ты стала спрашивать,
Так теперича тебе я стану сказывать:
Ожидай меня, Добрынюшку, по три года.

Если в три года не буду, жди по друго три,
А как сполнится то время шесть годов,
Как не буду я, Добрыня, из чиста поля,
Поминай меня, Добрынюшку, убитого.
А тебе-ка-ва, Настасья, воля вольная:
Хоть вдовой живи да хоть замуж поди,
Хоть ты за князя поди, хоть за боярина,

А хоть за русского могучего богатыря,
Столько не ходи за моего за брата за названого,
Ты за смелого Алешу за Поповича».
Его государыня-то родна матушка,
Она учала как по полати-то похаживать,
Она учала как голосом поваживать,
И сама говорит да таково слово:
«Единое ж было да солнце красное,
Нонь тепере за темны леса да закатилося,
Стольки оставлялся млад светел месяц.
Как единое ж было да чадо милое,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Он во далече, далече, во чистом поле,
Судит ли Бог на веку хоть раз видать?»
Еще столько оставлялась любима семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
На роздей тоски великая кручинушки.
Стали сожидать Добрыню из чиста поля по три года,
А и по три года, еще по три дня,
Сполнилось времени цело три года.
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Стали сожидать Добрыню по другое три,
Тут как день за днем да будто дождь дождит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год тот за годом да как река бежит.
Прошло тому времени другое три,
Да как сполнилось времени да целых шесть годов,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Как во тую пору, да во то время
Приезжал Алеша из чиста поля.
Привозил им весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит да на чистом поле:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испрострелены.
Головой лежит да в част ракитов куст.
Как тогда-то государыня да родна матушка

Слезила-то свои да очи ясные,
Скорбила-то свое да лицо белое
По своем роженоем по дитятке,
А по молодом Добрыне по Никитичу.
Тут стал солнышко Владимир-то похаживать,
Да Настасью-то Никуличну посватывать,
Посватывать да подговаривать;
«Что как тебе жить да молодой вдовой,
А и молодой век да свой коротати,
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
Хоть за смелого Алешу за Поповича».
Говорит Настасья дочь Никулична:
«Ах ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Я исполнила заповедь ту мужнюю –
Я ждала Добрыню цело шесть годов,
Я исполню заповедь да свою женскую;
Я прожду Добрынюшку друго шесть лет.
Как исполнится времени двенадцать лет,
Да успею я в те поры замуж пойти».
Опять день за днем да будто дождь дождит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год тот за годом да как река бежит.
А прошло тому времени двенадцать лет,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Тут стал солнышко Владимир тут похаживать,
Он Настасьи-той Никуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
«Ты эй, молода Настасья дочь Никулична!
Как тебе жить да молодой вдовой,
А молодой век да свой коротати.
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
А хоть за смелого Алешу да Поповича».
Не пошла замуж ни за князя, ни за боярина,
Ни за русского могучего богатыря,
А пошла замуж за смелого Алешу за Поповича.

Пир идет у них по третий день,
А сегодня им идти да ко Божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу.
В тую ль было пору, а в то время,
А Добрыня-то случился у Царя-града,
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, волчья сыть да ты медвежья шерсть!
Ты чего сегодня подтыкаешься?»
Исповещится как ему добрый конь,
Ему голосом да человеческим:
«Ах ты эй, хозяин мой любимыя!
Над собой невзгодушки не ведаешь:
А твоя Настасья-королевична,
Королевична – она замуж пошла
За смелого Алешу за Поповича.
Как пир идет у них по третий день,
Сегодня им идти да ко Божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу».
Тут молодой Добрыня сын Никитинич,
Он бьет бурка промежду уши,
Промежду уши да промежду ноги,
Что стал его бурушка поскакивать,
С горы на горы да с холма на холму,
Он реки и озера перескакивал,
Где широкие раздолья – между ног пушал.
Буде во граде во Киеве,
Как не ясный сокол в перелёт летел,
Добрый молодец да в перегон гонит,
Не воротми ехал он – через стену,
Через тую стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому придворью ко вдовиному;
Он на двор заехал безобсылочно,
А в палаты идет да бездокладочно,
Он не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников;

Всех он взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в палаты во вдовиные,
Крест кладет да по-писаному,
Он поклон ведет да по-ученому,
На все три, четыре да на стороны,
А честной вдове Офимье Александровне да в особину:
«Здравствуешь, честная вдова, Офимья Александровна!»
Как вслед идут придверники да приворотники,
Вслед идут, всё жалобу творят:
Сами говорят да таково слово:
«Ах ты эй, Офимья Александровна!
Как этот-то удалый добрый молодец,
Он наехал с поля да скорым гонцом,
Да на двор заехал безобсылочно,
В палаты-ты идет да бездокладочно,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в палаты во вдовиные».
Говорит Офимья Александровна:
«Ты эй, удалый добрый молодец!
Ты зачем же ехал на сиротский двор да безобсылочно,
А в палаты ты идешь да бездокладочно,
Ты не спрашивашь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивашь придверников,
Всех ты взашей прочь отталкиваешь?
Кабы было живо мое чадо милое,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Отрубил бы он тебе-ка буйну голову
За твои поступки неумильные».
Говорил удалый добрый молодец:
«Я вчера с Добрыней поразъехался,
А Добрыня поехал ко Царю-граду,
Я поехал да ко Киеву».
Говорит честна вдова Офимья Александровна:
«Во тую ли было пору, во перво шесть лет
Приезжал Алеша из чиста поля,

Привозил нам весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит да во чистом поле:
Буйна голова его испроломлена,
Могучи плеча да испрострелены,
Головой лежит да в част ракитов куст.
Я жалешенько тогда ведь по нем плакала,
Я слезила-то свои да очи ясные,
Я скорбила-то свое да лицо белое
По своем роженоем по дитятке,
Я по молодом Добрыне по Никитичу».
Говорил удалый добрый молодец:
«Что наказывал мне братец-от названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Спросить про него, про любиму семью,
А про молодую Настасью про Никуличну».
Говорит Офимья Александровна:
«А Добрынина любима семья замуж пошла
За смелого Алешу за Поповича.
Пир идет у них по третий день,
А сегодня им идти да ко Божьей церкви,
Принимать с Алешкой по злату венцу».
Говорил удалой добрый молодец:
«А наказывал мне братец-от названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич:
Если случит Бог быть на пору тебе во Киеве,
То возьми мое платье скоморошское,
Да возьми мои гуселышки яровчаты
В новой горенке да все на стопочке».

Как бежала тут Офимья Александровна,
Подавала ему платье скоморошское,
Да гуселышки ему яровчаты.
Накрутился молодец как скоморошиной,
Да пошел он на хорош почестный пир.
Идет, как он да на княженецкий двор,

Не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело проходил во палаты княженецкие;
Тут он крест кладёт да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
На все три, четыре да на стороны,
Солнышку Владимиру да в особину:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевский
С молодой княгиней со Апраксией!»
Вслед идут придверники да приворотники,
Вслед идут, все жалобу творят,
Сами говорят да таково слово:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевской!
Как эта удала скоморошина
Наехал из чиста поля скорым гонцом,
А теперича идет да скоморошиной,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей он нас не спрашивал, придверников,
Да всех нас взашей прочь отталкивал.
Смело проходил в палаты княженецкие».
Говорил Владимир стольный киевский:
«Ах ты эй, удала скоморошина!
Зачем идешь на княженецкий двор да безобсылочно,
А и в палаты идешь бездокладочно,
Ты не спрашивашь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивашь придверников,
А всех ты взашей прочь отталкивал?»
Скоморошина к речам да не вчуется,
Скоморошина к речам не примется,
Говорит удала скоморошина:
«Солнышко Владимир стольный киевский!
Скажи, где есть наше место скоморошское?»
Говорит Владимир стольнокиевский:
«Что ваше место скоморошское
А на той на печке на муравленой,
На муравленой на печке да на запечке».

Он вскочил скоро на место на показано,
На тую на печку на муравлену.
Он натягивал тетивочки шелковые,
Тыи струночки да золоченые,
Он учал по стрункам похаживать,
Да он учал голосом поваживать
Играет-то он ведь во Киеве,
А на выигрыш берет во Цари-граде.
Он повыиграл во оgrade во Киеве,
Он во Киеве да всех поимянно,
Он от старого да всех до малого.
Тут все на пиру игры заслушались,
И все на пиру призамолкнулись,
Самы говорят да таково слово:
«Солнышко Владимир стольнокиевский!

Не быть этой удалой скоморошине,
А какому ни быть надо русскому,
Быть удалому да добру молодцу».
Говорит Владимир стольнокиевский:
«Ах ты эй, удала скоморошина!
За твою игру да за веселую,
Опускайся-ко из печи из-запечка,
А садись-ко с нами да за дубов стол,
А за дубов стол да хлеба кушати.
Теперь дам я ти три места три любимых:
Перво место сядь подли меня,
Друго место сопровит меня,
Третье место куда сам захошь,
Куда сам захошь, ещё пожалуешь».
Опускалась скоморошина из печи из муравленой,
Да не села скоморошина подле князя,
Да не села скоморошина да сопровит князя,
А садилась на скамеечку Сопровит княгини-то обручныя,
Против молодой Настасьи да Никуличны.
Говорит удала скоморошина:
«Ах ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Бласлови-ко налить чару зелена вина,

Поднести-то эту чару кому я знаю,
Кому я знаю, еще пожалую».
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Ай ты эй, удала скоморошина!
Была дана ти поволька да великая,
Что захочешь, так ты то делай,
Что ты вздумаешь, да ещё и то твори».

Как тая удала скоморошина Наливала чару зелена вина,
Да опустит в чару свой злачен перстень,
Да подносит-то княгине поручёныя,
Сам говорил да таково слово:
«Ты эй, молода Настасья, дочь Никулична!
Прими-ко сию чару единой рукой,
Да ты выпей-ко всю чару единым духом.
Как ты пьешь до дна, так ты ведашь добра,
А не пьешь до дна, так не видашь добра».
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила всю чару единым духом,
Да обсмотрит в чаре свой злачен перстень,
А которым с Добрыней обручалася,
Сама говорит таково слово: «Вы эй же, вы, князи, да вы, бояра,
Вы все же, князи вы и дворяна!
Ведь не тот мой муж, да кой подли меня,
А тот мой муж, кой супротив меня:
Сидит мой муж да на скамеечке,
Он подносит мне-то чару зелена вина».
Сама выскочит из стола да из-за дубова,
Да и упала Добрыне во резвы ноги,
Сама говорит да таково слово:
«Ты эй, молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты прости, прости, Добрынюшка Никитинич,
Что не по-твоему наказу да я сделала,
Я за смелого Алешеньку замуж пошла,
У нас волос долог, да ум короткий,
Нас куда ведут, да мы туда идём,
Нас куда везут, да мы туда едем».

Говорил Добрыня сын Никитинич:

«Не дивую разуму я женскому:
Муж-от в лес, жена и замуж пойдет,
У них волос долог, да ум короткий.
А дивую я солнышку Владимиру
Со своей княгиней со Апраксией,
Что солнышко Владимир тот сватом был,
А княгиня-то Апраксия да была свахою,
Они у жива мужа жону да просватали».
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны очи во сыру землю.

Говорит Алешенька Левонтьевич:

«Ты прости, прости, братец мои названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты в той вине прости меня во глупости,
Что я посидел подли твоей любимой семьи,
Подле молодой Настасии да Никуличной».

Говорил Добрыня сын Никитинич:

«А в той вины, братец, тебя Бог простит,
Что ты посидел подли моей да любимой семьи,
Подле молодой Настасии Никуличны.
А в другой вине, братец, тебя не прощу,
Когда приезжал из чиста поля во перво шесть лет,
Привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича;
Убит лежит да на чистом поле.

А тогда-то государыня да моя родна матушка,

А жалешенько она да по мне плакала,
Слезила-то она свои да очи ясные,
А скорбила-то свое да лицо белое, -
Так во этой вине, братец, тебя не прощу».

Как ухватит он Алешу за желты кудри,
Да он выдернет Алешку через дубов стол,
Как он бросит Алешку о кирпичен мост,
Да повыдернет шалыгу подорожную,

Да он учал шалыгищем охаживать,
Что в хлопанье-то охканья не слышно ведь;
Да только-то Алешенька и женат бывал,
Ну столько-то Алешенька с женой сыпал.
Всяк-то, братцы, на веку ведь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай Бог женитьбы той Алешиной.
Тут он взял свою да любиму семью,
Молоду Настасью да Никуличну,
И пошел к государыне да и родной матушке,
Да он здьял доброе здоровьице.
Тут век про Добрыню старину скажут,
А синему морю на тишину,
А всем добрым людям на послушанье.